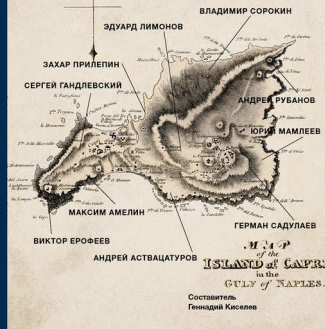

Очарованный остров

Новые сказки
об Италии

**Виктор Владимирович Ерофеев
Юрий Мамлеев
Эдуард Вениаминович Лимонов
Герман Умаралиевич Садулаев
Геннадий Петрович Киселев
Захар Прилепин
Максим Амелин
Сергей Гандлевский
Андрей Викторович Рубанов
Андрей Аствацатуров
Владимир Георгиевич Сорокин
Очарованный остров. Новые
сказки об Италии (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6881546

Очарованный остров. Новые сказки об Италии: сборник : АСТ : CORPUS; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-084393-0

Аннотация

Сборник под названием «Очарованный остров. Новые сказки об Италии» был задуман Ассоциацией «Премия Горького» в связи со 100-летним юбилеем первой публикации «Сказок об Италии» Максима Горького. Капри всегда притягивал к себе творческих людей, и Ассоциация решила внести свой вклад в литературную историю «Острова сирен». В течение 2012–2013 г. ряду известных российских писателей было предложено совершить поездку на Капри и затем написать текст, связанный с этим островом. Составителем сборника стал известный итальянист и переводчик Геннадий Киселев, перу которого принадлежит вступительное эссе. В итоге крупнейшие современные авторы (от Максима Амелина до Владимира Сорокина) представлены в этой книге очень разными по жанру и стилю произведениями, которые объединяет один источник вдохновения – волшебный остров Капри.

Содержание

Геннадий Киселев	5
Максим Амелин	14
I	14
II	15
III	17
IV	19
V	21
VI	23
VII	25
Андрей Аствацатуров	27
Капри: город	27
Сады Августа	29
Филологический заплыв	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Владимир Сорокин, Юрий Мамлеев,
Геннадий Киселев, Виктор
Ерофеев, Эдуард Лимонов, Сергей
Гандлевский, Андрей Рубанов, Захар
Прилепин, Герман Садулаев, Андрей
Аствацатуров, Максим Амелин
Очарованный остров. Новые
сказки об Италии (сборник)**

© Межрегиональный общественный фонд Черномырдина «Поддержка и развитие среднего класса»

© М. Амелин, А. Аствацатуров, С. Гандлевский, В. Ерофеев, Г. Киселев, Э. Лимонов, Ю. Мамлеев, З. Прилепин, А. Рубанов, Г. Садулаев, В. Сорокин, 2014

© Г. Киселев, составление, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© 000 «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS ®

Геннадий Киселев Быль и небыль Острова сирен

*Везувий, Колизей, грот Капри, храм Петра —
Имел ты на устах от утра до утра...
Е. Баратынский. Дядьке-итальянцу*

Чехов советовал: написав рассказ, вычеркивайте его начало и конец. Тут беллетристы больше всего врут, добавлял классик. набросок правдивого рассказа о Капри уместно начать с середины, а именно с августа 1826 года, когда немецкий поэт и живописец Август Копиш вплавь проник в считавшийся недоступным лазурный грот на северном берегу Капри. За ныряльщиком сквозь призму воды хлынул голубой свет, окрасив скалистый свод и кристальное озеро внутри горы лазурной рябью перевернутого неба. Спустя двенадцать лет Копиш поведает о своей вылазке в рассказе «Открытие Голубого грота» и тем самым положит начало паломничеству просвещенных путешественников в пещеру, куда можно войти только со стороны моря. В том же 1838 году под низкий край утеса в двух аршинах над водой, распластавшись на дне лодки, протиснулся и тогдашний римский житель Гоголь. Много позже Марк Твен напишет о своем восприятии грота в «Простаках за границей»:

Стоит погрузить в воду весло, и оно засияет чудесным матовым серебром, отливающим голубизной. Человек, прыгнувший в воду, мгновенно одевается такой великолепной броней, какой не было ни у одного из королей-крестоносцев (перевод Р. Облонской и И. Гуровой).

«Голубым эфиром», в котором, по общему мнению, и бьется невидимое сердце Капри, назвал этот подгорный мир Ганс Христиан Андерсен в знаменитом рассказе «Импровизатор». Его герой дважды ссылается на Копиша и возносит хвалу святой Лючии, которая спасла от шторма их утлый челн в утробе Лазурного грота.

Не будь в истории Капри Андерсена и Копиша, их следовало бы выдумать. Восторги нордических романтиков были явно на руку здешним рыбакам и лодочникам. С тех пор на тихой воде к Лазурному гроту выстраивается разноцветная флотилия для искусного нырка в «сапфирную раковину» (В. Яковлев, 1847 год) Тирренского моря. Одно время считалось, что суеверные каприйцы обходят стороной заколдованную пещеру. Все это, вместе с неумемной фантазией сентиментальных северян, не могло не вызывать улыбку у самих обитателей острова (ухмылку картографа Венецианской республики Винченцо Коронелли, отметившего грот в своем атласе 1696 года, мы вверяем воображению читателя). В трепете ли перед святилищем Паллады, воздвигнутом, по преданию, Одиссеем, в страхе ли перед Вельзевулом или благоговении перед Девой Марией, они с незапамятных времен обшарили каждый уголок своего острова, и даже князь тьмы собственной персоной отступил бы перед местным рыбаком у входа в залив или пещеру, сулившие богатый улов. Один из рыбаков, некто Анджело Ферраро по прозвищу Кудряш, тот самый, который доставил Копиша и его друга Эрнста Фриша к Лазурному гроту, вытребовал у бурбонских властей Неаполя ни много ни мало пожизненную пенсию за свои заслуги в деле прославления каприйских красот.

«Открытие» Лазурного грота стало вехой мифологической «перезагрузки» Капри и его последующей экзотизации. Меж тем как истинным первооткрывателем Капри задолго до Августа Копиша был римский император Август. В один из своих приездов на остров Август, бывший тогда еще Октавианом, заметил, что давно поникшие ветви старой лиственницы неожиданно вновь поднялись. Император увидел в этом доброе предзнаменование для своих монархических планов и выкупил сей августейший из островов у неаполи-

танских греков в обмен на Пифекусу, современную Искью. Он воздвиг там ряд строений, сделав Капрею – так, вслед за Страбоном, называли его русские путешественники – своим личным поместьем. Имперскому величию Август предпочитал утопавшие в зелени садов постройки, украшением которых служили останки доисторических исполинских зверей и доспехи героев. Проводя время в увеселениях и общении с греко-романским населением острова, Август щедро раздавал подарки – тоги и греческие плащи – с условием, чтобы «римляне одевались и говорили по-гречески, а греки – по-римски», передает Светоний, и придумал для Капри название Апрагополь – Город сладостного безделья.

Возникший при Августе образ Капри как острова-вотчины, острова-виллы окончательно утверждается в эпоху его преемника Тиберия. Согласно Тациту, во времена императора-затворника Тиберия на Капри появились двенадцать императорских вилл, по числу главных божеств античного Пантеона. Некоторые из них, к примеру вилла Юпитера и вилла Дамекута, сделались эталонами для вилл Нерона, Домициана и Адриана. Вот как описывает тот Капри Иван Бунин в рассказе «Остров сирен»:

Весь остров был в то время сплошным садом, покрыт каменным дубом, любимым деревом Августа, – с уступов гор всюду сходили к морю высеченные в скалах террасы; водопроводы были проложены на арках и доставляли дождевую воду в нимфеи, украшенные мраморными и бронзовыми статуями; климат острова, его бальзамический воздух славился своим здоровьем, что на деле доказывали и еще доселе доказывают столетние каприйские старцы; сказочно было каприйское обилие всякой птицы, рыб, устриц, омаров; вина каприйские были превосходны... Выбор Тиберия остановился на Капри потому, что остров напоминал ему Грецию, но больше же всего по-другому: Капри был неприступен, высадиться на нем было трудно, а миновать стражу невозможно, и Цезарь, с высоты своего убежища, всегда видел не только все, что творилось на острове, но и все корабли, шедшие мимо острова во всех направлениях...

Однако при Тиберии в целом радужная картина августовского Капри приобретает довольно мрачные тона. Остров и вправду прельщал императора тем, что сойти на него удавалось лишь в одной бухте; в остальных местах он был надежно защищен могучими скалами. Точно Иван Грозный в Александровской слободе, Тиберий на «опричном» Капри зорко следит за положением дел в империи, а главное, в Риме, откуда получает известия по цепочке сигнальных костров, разложенных вдоль береговой линии. Но, быть может, главное известие – о решении Синедриона отправится Тиберию из столь ненавистного римскому прокуратору Иудеи города Ершалаима, точнее, из второй главы «Мастера и Маргариты». Вспомним реплику Понтия Пилата в разговоре с первосвященником Каифой:

Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору...

Формально оставив государственные дела и удалившись на Капри, Тиберий дает волю своим подспудным порокам. В «Жизни двенадцати цезарей» Светоний говорит о невыразимом, изощренном распутстве императора, (предлагаемые цитаты даны в переводе М.Л. Гаспарова). В особых потайных комнатах Тиберий собирал отовсюду «девок и мальчишек», которые «наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть. Спальни, расположенные тут и там, он украсил картинами и статуями самого непристойного свойства и разложил в них книги Элефантиды, чтобы всякий в своих трудах имел под рукою предписанный образец». В каприйских рощах император велел устроить «Венерины местечки», в них «молодые люди обоего пола предо всеми изображали фавнов и нимф». Пылая еще более гнусным пороком, Тиберий «завел мальчиков самого нежного воз-

раста, которых называл своими рыбками и с которыми он забавлялся в постели». Однажды во время обряда жертвоприношения он «так распалился на прелесть мальчика, несшего кадьлицу, что чуть ли не тут же отвел его в сторону и растлил, а заодно и брата его, флейтиста; но когда они после этого стали попрекать друг друга бесчестием, он велел перебить им голени».

На протяжении многих веков до начала своей романтизации Капри и влек, и отпугивал призрачной фигурой Тиберия. Остров, уподоблявшийся плавучему Эдему, воспринимался уже как дрейфующий Содом. Этот островной ландшафт, как принято считать, вдохновлял Гюстава Доре на иллюстрации к дантовскому «Аду», а предшественника метафизической живописи Арнольда Беклина на «Остров мертвых». Остров оберегал вольного или невольного изгнанника от мира. Или мир от изгнанника. Осматривая многочисленные залы и галереи Лазурного грота со свечой в руках, Август Копиш принимал очертания сталактитов за тень сурового императора, который якобы спускался в грот по тайному ходу из виллы Дамекута. На остров приезжали, чтобы ощутить дрожь на развалинах виллы Юпитера, глядя вниз с отвесной скалы, обращенной на восток и названной в бунинском рассказе «страшной стремниной». Если верить Светонию, причислившему Тиберия к сонму классических тиранов спустя век после его кончины, отсюда после мучительных пыток провинившихся сбрасывали в море на глазах у императора, а внизу моряки добывали их веслами и баграми.

При всех взлетах (во времена Римской империи) и затишьях (от Средневековья до барокко) в исторической биографии Капри остров следует своему тектоническому предначертанию: отколовшись от материка в районе Соррентинского полуострова после мощного вулканического извержения примерно за 10 000 лет до нашей эры, он словно оторвался от земли, стал одновременно далеким и близким воплощением инакости, исключенным и исключительным. Выпав из континентального контекста, Капри лишь повысил градус своей неповторимости, увеличил силу притяжения, расположившись у восточной окраины Неаполитанского залива островом Буяном, точно по курсу пословицы «видит око, да зуб неймет». В определенном смысле Капри сменил географические координаты (40°33'03" северной широты, 14°14'36" восточной долготы) на мифопоэтические:

Капри – королева скал. В платье из амаранта и лилии. Последнее голубое святилище Средиземноморья, где сирены расчесывают свои лазоревые гривы, растрепанные колыханием волн, —

их сообщает в своих воспоминаниях политический беженец на Капри Пабло Неруда.

Ему вторит превосходный тосканский прозаик и журналист Курцио Малапарте, мифоман и мифотворец во всем, начиная со своего псевдонима: «Малапарте», буквально «плохая доля» – в пику самому Бонапарту, означающему «хорошая доля». Это умение подать себя – в особой чести на Капри; оно в конечном счете и сделало Малапарте обладателем одной из необычайных вилл на острове, где Жан-Люк Годар снял фильм «Презрение»:

На закате у каприйского моря цвет волос фиалкокудрой
Сапфо (из рассказа К. Малапарте «Смерть на Капри»).

Капри – это и литературный заповедник. Всех его (бес) ценных обитателей давнего и недавнего прошлого, пожалуй, и не упомнишь. А только в XX веке припомнить надо бы Конрада и Г. Джеймса, Осоргина и Андреева, Голсуорси и Маккензи, Чапека и Беньямина, Лоуренса и Мэма, Хаксли и Одена, Моравиа и Юрсенар. Смотрителем заповедника следует безоговорочно признать каприйца Эдвина Черио, писателя (сборники эссе и мемуаров «Воздух Капри», «Книга людей» и «Книга вещей»), но и архитектора (построившего на острове несколько авторских вилл), судостроителя, ботаника, палеонтолога, зоотехника, а в 20-е годы минувшего века и мэра Капри. Из пришлых, ставших со временем старожилами Капри, компанию ему составляют шведский врач и литератор Аксель Мунте, владе-

лец столь же легендарной, сколь и претенциозной виллы Сан-Микеле, давшей название всемирно известной книге «История Сан-Микеле» и отошедшей, по завещанию автора после его смерти в 1949 году, шведскому государству, а также английский прозаик Норман Дуглас, знаковая фигура острова для всего мира, автор книги «Земля сирен», за которую он получил прозвище Сиренолог.

Среди написанного о Капри не так-то просто отыскать верно интонированные и неуловимо-дымчатые слова, передающие мелодику острова, ту новую сиреническую песню, которую называют ожиданием счастья. Те, кто слышали зов Капри, сулящий познание мира и высшую усладу, не могут не испытать на себе последствий этого зова. Главным таким последствием для слышащих, а еще и пишущих, оказывается... подавление их творческого гения, полная или временная немота. Завораживающее пение полуптиц-полуженщин делает некогда проворные перья безнадежно неповоротливыми. Тотальная гармония Капри словно ускользает от рассказчика, обращая любую попытку запечатлеть свою магию в приторный и сбивчивый панегирик неизъяснимым чарам острова. Послушаем:

Капри – кусок крошечный, но вкусный. Вообще здесь сразу, в один день, столько видишь красивого, что пьянеешь, балдеешь и ничего не можешь делать. Все смотришь и улыбаешься... Неаполитанский залив – и особенно Капри – красивее и глубже любви и женщин. В любви узнаешь все сразу – здесь едва ли возможно узнать все... У меня в голове веселый черт танцует тарантеллу, и я пьян – без вина... (из письма М. Горького Л. Андрееву от 5 ноября 1906 года).

Вот почему даже лучшее из написанного на Капри, скажем, пьеса того же Горького «Васса Железнова» или роман «Мать», вызывает у начинающего литературного следопыта невольный вопрос: как можно было *здесь* написать *такое*? Подобным вопросом задавался и Марк Алданов в письме 1947 года Бунину:

Как Вы все это писали по памяти иногда на Капри, я просто не понимаю. По-моему, сад, усадьбу, двор в «Древнем человеке» можно было написать только на месте.

Ответ Бунина обезоруживающе прост:

Да это не память. Разве это память у Вас, когда Вам приходится говорить, например, по-французски? Это в вашем естестве. Так и это в моем естестве – и пейзаж, и язык, и все прочее... Клянусь, что девять десятых этого не с натуры, а из вымыслов: лежишь, например, читаешь – и вдруг ни с того ни с сего представишь себе что-нибудь, *до дикости* (курсив мой. – Г.К.) не связанное с тем, что читаешь, и вообще со всем, что кругом.

Сочинения, созданные на Капри, хочется снабдить ремарками «про себя» и «в сторону». Капри будто отталкивает им же навеянные образы и мысли, посылая их на огромные расстояния, туда, где в них больше нужды. Географический оксюморон «чем дальше, тем ближе» оборачивается на острове творческой аксиомой. Одной из ее формулировок стоит признать лапидарное высказывание Р.-М. Рильке о собственных трудах и днях на Капри в начале XX века: «...Моя работа на этом острове мечты в сущности сама становится мечтой».

Оговоримся попутно, что каприйская мечта или каприйское счастье нередко сменялись своей полной противоположностью, то есть безысходностью и отчаянием. И здесь нельзя хотя бы вкратце не рассказать о трех именитых самоубийцах, превратившихся на Капри сначала в живые достопримечательности, а затем и в гениев места.

Немецкий сталепромышленник Фридрих Альфред Крупп жил на Капри с 1898 года по несколько месяцев, чаще всего зимой. Излечившись от депрессии и астмы, он пода-

рил Капри обширный участок земли, где потом разобьют вполне райские Сады Августа, и выделил деньги на строительство дороги, скатившейся живописным серпантинном в Малую гавань. Дорогу, ставшую артефактом, назовут его именем, а Круппу присвоят звание почетного гражданина острова. Недолгая идиллия оборвалась в 1902 году, когда Крупп свел счеты с жизнью после обвинений в гомосексуальных пристрастиях, считавшихся тогда в Германии тяжким преступлением. В действительности его оклеветали все те же «благодарные» каприйцы, чтобы дискредитировать мэра Капри и большого друга Круппа. А подметное письмо о «богатом немецком дегенерате» накропал в неаполитанскую газетенку «Ла Пропаганда» каприйский учитель начальной школы. Крупп брал в то время уроки итальянского и вместо него подыскал другого репетитора, которому платил нестерпимо щедрый гонорар.

Эльзасский барон Жак д'Адельсвард Ферзен, потомок фаворита Марии Антуанетты, приехал в Италию в год смерти Круппа. Вскоре в компании пятнадцатилетнего Нино Цезарини, отпрыска римского киоскера (уменьшительно-ласкательное имя дано как по заказу), Ферзен перебрался на Капри, где с перерывами провел следующие двадцать лет на уединенной и весьма эксцентричной вилле Lysis (Лисида, ученика Сократа, именем которого назван один из диалогов Платона), архитектурной преемнице соседней виллы Jovis (Юпитера) императора Тиберия. И вилла, и сама жизнь, вернее даже, смерть этого маленького каприйского Людвиг стали, по словам Кокто, тем самым шедевром, который заменил французскому дворянину, поэту и писателю, дружившему с Прустом, не сотворенный им шедевр в искусстве. Жизнь на Капри была для Ферзена, запоздалого хранителя символистских традиций, своего рода наказанием, поскольку здесь можно было только отрешаться от жизни. В 1923 году барон приготовил чрезмерную порцию кокаина и завершил ритуал обреченного денди, не нарушив его зловещей стилистики.

Уже известный нам писатель, а в юности и дипломат, чья карьера начиналась в Санкт-Петербурге, Норман Дуглас был коротко знаком с Ферзеном, часто предостерегал его от фатального исхода и был чужд самолюбования и напускной загадочности последнего. В 1917 году Дуглас опубликовал роман «Южный ветер», который высоко ценили Набоков и Грэм Грин. Главным действующим лицом романа стал остров Непенте. В нем сквозь поволочу метафоры, перенятой у Ферзена, легко узнается Капри:

Утро сходило на нет, и туман, повинувшись яростному притяжению солнца, понемногу всплывал кверху. Непенте стал различимым – действительно, остров. Он мерцал золотистыми скалами и изумрудными клочками возделанной земли. Пригоршня белых домов – городок или деревня – примостилась на небольшой высоте, там, где солнечный луч, играя, проложил себе путь сквозь дымку. Занавес поднялся. Поднялся наполовину, поскольку вулканические вершины и ущелья вверху острова еще окутывала перламутровая тайна (перевод С. Ильина).

Избрав Капри в 1904 году в качестве земли обетованной для души и тела, Дуглас не скрывал своих несчетных «грешков» и признавался, что «единственным пристойным событием моей жизни было появление на свет. Остальное не подлежало огласке». По свидетельству очевидцев, Дугласа окружал некий древнегреческий ореол; его отличали изысканные манеры и врожденное достоинство. Именно с решимостью античного стоика восьмидесятичетырехлетний классик принял в 1952 году летальную дозу люминала, чтобы покончить с непредвиденной бедностью, на редкость холодной зимой и одиночеством немощного литератора.

Возвращаясь к вопросу о том, кто же из писателей смог приблизиться к решению уравнения с одним неизвестным под названием «Капри», мы по обыкновению склоняемся к носителям исконной культуры и исконного языка. «Местные» то ли сообразили вовремя

залепить уши медвяным воском по примеру спутников Одиссея, то ли припасли такую лиру, которая, как лира Орфея, заглушала чудесноголосых сирен. Сами жители острова в шутку предлагают бить по рукам или по крайней мере штрафовать тех, кто собирается в который раз описывать каприйское благолепие. Если же отбросить фигуры речи, все, безусловно, упрется в меру таланта. Талант Альберто Савинио, музыканта и композитора, писателя и художника, младшего брата Джорджо Де Кирико, неохватен и по сей день до конца не осознан в Италии. Его перу принадлежат несколько романов и сборников рассказов, эссе и мемуаров; его живописные работы хранятся в крупнейших музеях и частных коллекциях. В 1926 году Савинио написал не изданную при жизни автора книжицу о Капри – «Капри», строки которой кажутся струйками парного воздуха в лимонных рощах острова, искрами зыбкого света, тающего на закатной волне, сочной прозеленью весенних горных трав, затейливыми изгибами улочек и троп, прочерченных в представлении Савинио смычком мадьярской скрипки. Их вырезали из каприйского пейзажа волшебные ножнички писателя и бережно выложили в печатной форме типографского набора. Подлинную свободу Савинио видит в непринужденной игре ума. Через нее человеку дано пристать к берегам высшего разума, достичь пределов чистого духа, установить равновесие между реальностью и воображением:

Некогда Капри был не чем иным, как единым, огромным гранитным массивом. Затем соблазны моря и неба подточили остров, точно сладчайшая из отрав. И вот массив обмяк и понемногу уступил. Так выглубилась эта плодороднейшая долина, над которой властвуют с одной стороны отроги Соларо, а с другой – гора Тиберия.

Посредине свидетелями изначальной горной природы острова из глубин долины вздымаются конические жерла Сан-Микеле и Кастильоне.

Но достаточно ли этой минутной уступки скалистой глыбы, чтобы оправдать ту податливую славу, которую Капри снискал себе по всему свету, вплоть до самой Патагонии и Лапландии?

Нет. Лишь в этой низине Капри предстает перед нами в облике женщины. Дальше, куда хватает глаз, особенно же в непроницаемой бронзовой обшивке острова, Капри сохраняет свой исконный мужской нрав, грубый и воинственный.

С легкой руки впечатлительных литераторов небесно-голубой миф Капри, заповеданный Гомером и Аполлоном Родосским, подхватят оборотливые предтечи массового туризма, подмешав в него лазурной экзотики и разбавив его розовым гламуром нашего времени. Однако лубок и пошлость – триумфаторы не одного итальянского города-музея – счастливым образом не захлестнули Капри, хотя и не миновали его: чего стоит одно только название премии «Золотой Тиберий», врученной княжне Ирэн Голицын, иконе итальянской моды середины прошлого века, за коллекцию ночных (!) купальных костюмов в духе ку-клукс-клановских плащей (трудно даже представить себе, какую расправу учинил бы над лунными купальщиками сам император). Вместо вала грубоватой безвкусицы на остров накатила и омывает его по сей день волна космополитизма, сделав Капри одним из своих экстратерриториальных полюсов. Римских императоров сменяют (не в хронологическом порядке) арабские шейхи, голливудские звезды, промышленные магнаты, низвергнутые короли, первые леди, последние денди – наследники прерафаэлитов и Бодлера, вычурные аристократы (маркиза Казати Стампа прогуливалась по острову с гепардом на поводке), художественная богема – в зависимости от калибра ее перечень может уместиться на нескольких страницах-скрижалях или разрастись до масштабов телефонного справочника; нездешние бунтари всех мастей, из русских – от Германа Лопатина и Георгия Плеха-

нова до Владимира Ульянова-Ленина, прозванного рыбаками Синьор Дринь-Дринь: этим звуком Ильич сопровождал ловлю рыбы с пальца – леской без удилища, и Анатолия Луначарского: он похоронил на особом, не католическом, кладбище Капри своего полугодовалого первенца, крестника Горького, и сам «отпел» его, прочитав над гробом... стихи из «Литургии красоты» К.Бальмонта. Лишь нога главного итальянского воина-объединителя Джузеппе Гарибальди, исходившего Италию вдоль и поперек, ни разу не ступала на Капри. Это обстоятельство до сих пор является необъяснимым топографическим курьезом, который подтверждает, что у Капри собственная история. Ну а полчища пиратов и сарацин, совершавших набеги на остров в XV–XVII веках, сменяют скопища туристов, круглогодично вззирающих на сказочный мир Капри «с видом недоверчивых идиотов» (без Марка Твена снова не обойтись. Отзывы «великого пролетарского писателя» лучше и вовсе не приводить или сократить до такого откровения: «Вижу русских экскурсантов – стада баранов, овец и свиней. Удивительно беззаботны и – глупы, до убийственной тоски»).

Автор вдохновенной книги о Капри, неаполитанский писатель Раффаэле Ла Каприа, в имя которого попросту вписано название этого острова, сокрушается о повальной «лазурногрозитизации» Капри. Вездесущие катера и яхты с туристами и купальщиками на борту – эти, по его мнению, банные шайки или биде мощностью в сто лошадиных сил – давно уже прокрались в самые потаенные бухты, затоны и ущелья Капри. Писатель сравнивает бесцеремонное вторжение в девственную оболочку острова с медицинским осмотром новобранцев, включающим в себя непрошеную разведку надежных тылов неоперившихся защитников отечества. Еще в конце XIX века, когда остров ежедневно посещало не более какой-то сотни туристов, Андре Жид называл Капри невыносимым и нарочито отдавал предпочтение Неаполю. Генри Джеймс при виде очередного приступа Лазурного грота бесчисленными лодчонками восклицает в книге очерков «Итальянские часы»: «Как восхитительно было бы, если бы волна накрыла все эти ялики с грузом туристов и они навеки исчезли бы внутри пещеры».

Нелегко уехать с Капри, когда ты уже там, замечает Пегги Гуггенхайм. Островная замкнутость ведет по закону компенсации к внутреннему раскрепощению. «Капри служил приютом для тех, кто хотел спрятаться от людских глаз и в то же время быть на виду, – вспоминает Ирэн Голицын. – На Капри было дозволено то, что не поощрялось в лицемерном Риме, где хоть и бурлила сладкая жизнь, но был запрещен развод, а адюльтер являлся уголовно наказуемым преступлением». Ограниченность пространства вызывает желание разомкнуть сдерживающий круг поведенческих правил. Обособленность подталкивает к встрече. Многие каприйские «отшельники» редко где так охотно сходились с другими людьми, как здесь. Разлитая вокруг водная стихия создает ощущение неподвижного движения. На Капри тебя неощутимо покидает чувство ответственности за свои поступки (не говоря уже о чужих), и от этого на душе становится заметно легче. Сойдя с трапа корабля, ты словно поднимаешься на сцену, где уже не первый день и век идет непрекращающаяся человеческая комедия или опера-буфф. Главную площадь «уездного», по выражению Василия Розанова, городка Капри, славную Пьяццетту, носящую имя второго короля Италии Умберто I, Бунин окрестил «оперной»: по ней, как по сцене, шествует в гудящей толпе его господин из Сан-Франциско. Приятнее всего, что в этой нескончаемой постановке тебе немедленно находится роль, к тому же роль из первых. Кажется, что тебя-то в пьесе и не доставало. Пришельцам на Капри только рады. Возможно, коренные каприйцы (филологически выверенное, но совершенно забытое и в Италии название местных жителей – *капританцы*) сами ведут свой род от нерестившихся на острове русалок. Во всяком случае, правомерность такой антропоморфной гипотезы тебя ничуть не смущает.

В этой обрамленной гранитом клумбе-бонбоньерке произрастает самая буйная флора южных широт. «Бальзамический воздух» Капри, пронизанный солнечными лучами, мор-

ским бризом и красками молочая, вязеля, бугенвиллеи, анемона, нарцисса, белокрыльника, асфоделя, шафрана, белого и розового ладанника; наполненный нотами жасмина, акации, мимозы, ириса, лилии, резеды, цикламена, лаванды, вереска, повилики, мирта, кедра, мускуса, мха; пропитанный ароматами персика, эвкалипта, лимона, жимолости, майорана, руты, бергамота, розмарина, душицы, лавра, земляничного дерева, цветочного ясеня, каштана и пинии, еще в Средние века благодаря стараниям картезианских монахов перешел в жидкое состояние неподражаемых каприйских благовоний.

Главным сокровищем фауны Капри, бесспорно, является голубая ящерица, абсолютная чемпионка острова по мимикрии и живая аллегория природного колдовства. Вильнув хвостом в незабудочной магме Лазурного грота, ящерица закрепила свой подмалевок голубизной неба, воды и бледно-серых скал. Зернистые чешуйки на ее спине окрашены ядовито-голубым с бирюзовым отливом по бокам, переходящим в нежную лазорь на брюшке. В «Тирренской легенде» Нормана Дугласа добрая фея превращает в ящериц бездумных женихов, преследующих юную принцессу Мито. Ящерицы окрашиваются в цвет голубых глаз принцессы и обречены остаться на неприступном рифе. Эдвин Черио слагает сказку в дарвинистском духе про влюбленную пару ящерок. Залогом непорочности невесты стало сапфирное ожерелье на ее шее, что соответствует мелкой пигментации эпидермиса в брачный период рептилий. Тут вам и быль и небыль. А водится голубая ящерица только на Фаральонах – гигантских известковых глыбах, одиноко торчащих из воды близ Малой гавани. Они будто олицетворяют полную изоляцию и невозможность человеческого соприсутствия. По сравнению с Фаральонами, этими островами на острове, Капри представляется оживленным материком. Фаральоны – три стометровых рифа-циклопа (памятники ослепленному Полифему) – входят в канонический образный ряд Капри. Скала и наскальная ящерица слились в символы бегства и убежища, в сумме составляющие остров. Недаром, если потрясти и бросить на манер игральной кости итальянское слово *asilo* – *убежище*, выпадет слово *isola* – *остров*, да и сам *Капри* – перевертыш от *Парки*: от судьбы не уйдешь.

На Капри пересекались судьбы многих людей, встрече которых явно не способствовал материк. В начале XX века пути выходцев из России сошлись здесь в русской колонии, численность которой стремительно росла. Ядром этой стихийной общины был, как известно, Максим Горький, обосновавшийся на острове в 1906 году. Горький-утопист (не будем забывать, что Утопия – тоже остров) создал в 1909 году каприйскую школу «революционной техники», наотмашь окрещенную Лениным «литераторским центром богостроительства». Слушателями школы были тринадцать будущих профессиональных революционеров с былинными, апостольскими кличками Фома, Иван, Юлий, Савелий, Арсений, Владимир, Станислав. Такой Горький, словно им же выдуманный Буревестник, всю жизнь гордо реял «между тучами и морем», настойчиво следуя за несбывшейся ницшеанской мечтой о сильной и гордой личности, о Человеке будущего, безжалостно одолевшем рациональную современность с ее несвободой и предрассудками. В поисках своего места на земле Горький обживал и умирал острова, будь то Капри или Соловки (не исключено, что кто-то из учеников каприйской школы в том или ином обличье проходил практику как раз на Соловках), или открывал их посреди суши, ведь последнее пристанище писателя, шехтелевский особняк Рябушинского, можно без большой натяжки назвать московским Капри. Впрочем, по сути этот Капри скорее походил на Соловки, а его новый насельник напоминал уже окольцованного Буревестника в клетке или вольере.

Исследователи рассуждают о том, встретился ли Горький с Италией за годы жизни на Капри и в Сорренто, или все же разминувся с ней? Пожалуй, встретился и даже сошелся, поскольку движение было обоюдным. Доказательством их союза стали восторженный прием Горького в Неаполе, а затем на Капри и написанные тут романы, рассказы, пьесы и сказки. Другое дело, что Горький, устояв перед обольстительной песней каприйских сирен,